

Е. Ю. Казакова-Апкаримова
**ГОРОЖАНЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА УРАЛЕ
 ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.:
 ГРАЖДАНЕ ИЛИ «СТРЮЦКИЕ»?***

В одном из писем, написанных в 1879 г., тревожась о судьбе своих детей, Ф. М. Достоевский размышлял о том, кем они будут — «твердыми ли и самостоятельными гражданами (никого не хуже) или стрюцкими».¹ Простонародное слово «стриюцкий» использовалось им для обозначения пустого и ничтожного человека, обычно пьяницы-пропойцы, человека потерянного.² Необходимость воспитания граждан и формирования сферы гражданской деятельности в России осознавалась многими передовыми умами. Достаточно вспомнить хотя бы строчку из знаменитого стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин», написанного еще в 1855–1856 гг.: «Но нужно, нужно нам граждан!» Формированию гражданского духа способствовали общественные институты, среди которых современники справедливо выделяли общественные организации как наиболее значимые. Например, Ф. М. Достоевский был членом Общества любителей духовного просвещения, членом Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Не имея средств для оказания нуждающимся финансовой помощи, писатель участвовал в благотворительных акциях, читая отрывки из своих произведений. Свою гражданскую позицию по волновавшим его вопросам он открыто высказывал на страницах «Дневника писателя», а в дружеской переписке сетовал: «Граждан у нас мало в представителях интеллигенции».³ Для российской провинции эта проблема стояла еще острее.

Современные исследования показали, что во второй половине XIX в. процесс формирования сферы гражданской деятельности

постепенно охватывал и российскую периферию, включая Уральский регион.⁴ Добровольные общественные организации в поздней имперской России существовали уже не только в столицах и крупных губернских центрах, но и в малых городах (как в Центральной России, так и в восточных регионах). Однако важный во многих отношениях вопрос о региональной специализации общественных организаций в современной историографии изучен слабо, что в значительной степени объясняется фрагментарностью региональных исследований. Даже в таком фундаментальном труде, как коллективная монография «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в.», сделаны лишь самые общие выводы по проблеме региональной специализации общественных организаций: «...столичные центры отличались известными учеными обществами и объединениями деятелей литературы и искусства, в небольших городах преобладали благотворительные и сельскохозяйственные организации, развлекательные и спортивные клубы».⁵ Между тем проблемы соотношения страновых и региональных тенденций общественного развития, влияния столичных социокультурных образцов на общественные институты в провинции, своеобразной адаптации идей применительно к региональным условиям и обогащения общестрановой динамики новыми социальными трансформациями представляются перспективным полем исторических исследований в русле теории гражданского общества. Процессы вызревания гражданских отношений в обширной Российской империи корректировались в различных ее частях восприимчивостью/нечувствительностью местных цивилизационных субстратов к инновациям и рационалистическому образу мышления.

¹ Достоевская А. Воспоминания. СПб., 2011. С. 359.

² Там же. С. 460.

³ Там же. С. 268, 363, 347.

*Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна — д.и.н, с.н.с. сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: Apkarimova@mail.ru*

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»*

⁴ См.: Казакова-Апкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2008; Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX в. Екатеринбург, 2011.

⁵ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 839.

Региональные особенности Уральского края были обусловлены социально-экономическими факторами (ролью промышленности и длительным господством крепостничества), а также единством природно-климатических условий и общностью исторических традиций. В силу горнозаводской специализации региона уральские города также имели свою специфику. Целью данной статьи стало выявление региональной специфики формирования сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX — начале XX в. Уральский город рассматривается сквозь призму понятия «местное общество», как его интерпретирует Лутц Хефнер: «Местное общество и связанный с ним стиль жизни нельзя рассматривать как существовавшую априори социальную формацию с четко обрисованным канонем ценностей в духе “реального коллектива”. “Местное сообщество” означает систему истолкований и коммуникаций гетерогенных социальных групп, различных дискуссионных пространств и систем ценностей, которая в идеале через общественность приводит к единому типу деятельности. Основным принципом местного общества являлась самоорганизация, которая находила выражение в различных ассоциациях и самоуправляющихся институциях».⁶ Важно ответить на вопрос, насколько участие в деятельности этих общественных институтов способствовало формированию гражданской идентичности уральских горожан во второй половине XIX — начале XX в.

Выявление региональной специфики в процессе осмысления истории общественных организаций на Урале предполагает сопоставление с городами других российских регионов, в частности сравнение типологии общественных организаций в городах Поволжья и Западной Сибири на основе данных, содержащихся в коллективной монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья»⁷ и в докторской диссертации Е. А. Дегальцевой, посвященной общественным неполитическим организациям Западной Сибири второй половины XIX — начале XX в.⁸ Очевидно, что все основные типы общественных организаций,

выявленные исследователями Поволжья и Западной Сибири, были представлены и в уральских городах во второй половине XIX — начале XX в. Е. А. Дегальцева, например, условно выделяет три основных вида общественных организаций — филантропические объединения, научно-просветительские общества и организации в сфере досуга, — хотя признает возможность и более подробной их классификации. Более развернутую типологию предлагает А. Н. Зорин, Е. В. Ключина и Лутц Хефнер, выделяя на материалах Поволжья следующие типы ассоциаций: общества взаимопомощи и хозяйственно-экономические организации; благотворительные и попечительские организации; общественные организации, связанные с церковью; общества любителей культуры и искусства; научные, просветительские общества и организации профессионального совершенствования; спортивные общества; общества охотников, рыболовов и садоводов. На Урале действовали общественные организации всех ключевых типов (исходя из их целевого назначения и доминирующих функций): благотворительные общества, общества взаимопомощи, культурно-просветительские общественные организации, общества в сфере досуга, общественные организации в социально-экономической жизни, этноконфессиональные общества (православные и неправославные). Когда речь идет об отдельных городах, целесообразно использовать более подробную типологию обществ, что дает возможность увидеть специфику самоорганизации городской общественности.

По материалам Уральского региона второй половины XIX — начала XX в. можно видеть, что в городах доминировали неправительственные формальные (зарегистрированные) некоммерческие общественные организации. Они ставили целью удовлетворение разнообразных общественных потребностей, им разрешалось заниматься предпринимательством и получать прибыль, которая шла не учредителям, а на общественные нужды, текущие расходы и развитие общества. Общественные организации создавались для достижения социальных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных, научных и иных целей, для развития физической культуры, спорта и туризма, культурного досуга. Некоторые из организаций можно классифицировать по отраслевой принадлежности (промышленные, сельскохозяйственные). По самостоятельности принятия решений можно выделить в уральских городах

⁶ Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 2007. С. 52.

⁷ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.

⁸ Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006.

головные и дочерние общественные организации, причем преобладали независимые общественные организации. По численности членов организаций можно выделять крупные (свыше 100 членов, обычно до 200–300 человек), средние (около 100 членов), малые (до 50 членов). С учетом территориальных рамок общественные организации могли быть городскими, уездными, губернскими и региональными, общероссийскими.

На Урале, как и по всей России, преобладали общественные организации инструментального типа, т. е. объединения граждан, цели которых лежат за пределами организации. Инструментальные связи складываются в процессе сотрудничества для достижения какой-либо цели (например, оказания благотворительной помощи, решения научных задач, удовлетворения экономических интересов и т. д.). В организациях данного типа доминируют деловые связи. В отличие от них, экспрессивные общественные организации рассматривают совместную деятельность своих членов как самоценность, предполагают эмоциональное участие в проблемах других людей. Экспрессивные общественные организации играют важную роль в социализации личности, в формировании городских субкультур. Данная типология, используемая американскими социологами, позволяет видеть в общественных организациях значительный социальный капитал и рассматривать их как возможный инструмент решения многочисленных социально-экономических проблем горожан и удовлетворения их социокультурных потребностей.

Общественные организации в уральских городах решали важные социокультурные задачи, дополняли деятельность (или частично брали на себя функции) государства и органов городского самоуправления. Показательно, например, что в числе пермских общественных организаций насчитывалось 68 организаций инструментального типа (85% от общего числа) и 12 — экспрессивного (15%). Среди екатеринбургских общественных организаций также преобладали инструментальные (44, или 88% от общего числа), тогда как экспрессивные были немногочисленными (6 организаций, или 12%). В случае с Пермью очевидно, что на численности общественных организаций отразился не только собственно общественный потенциал города, но и близость администрации, представителей которой общественность стремилась включить в состав той или иной

общественной организации, что гарантировало лояльное отношение к ней и поддержку со стороны государственной власти.

Возникновение в уральском городе общественных организаций по профессиональному признаку являлось закономерным проявлением процесса профессионализации в поздней имперской России, который сопровождался борьбой отдельных профессиональных групп за повышение своего социального статуса и авторитета и их претензией на некоторую автономию деятельности. Отражением экономической региональной специфики и, соответственно, процесса профессионализации на Урале являлось профессиональное объединение руководителей среднего звена на производстве и создание в 1901 г. в «горнозаводской столице Урала» Общества уральских горных техников. Показательна риторика общественных деятелей того времени. Так, в протоколе заседания общего собрания членов Общества уральских горных техников от 26 февраля 1905 г. содержатся призывы и приветствия тех общественников, которые по каким-либо причинам не смогли явиться на заседание. Например, от действительных членов общества Ф. Ф. Сыромолотова и С. А. Корюкина поступила телеграмма: «Приветствуем собрание, желаем энергии, широкой работы, товарищеской солидарности по вопросам положения техника, долой рутину, больше общественного самосознания и духа гражданства».⁹

Как и в других регионах Российской империи, на Урале в начале XX в. довольно крупными были общества взаимопомощи учителей, такие как Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии и аналогичное общество в Пермской губернии. На примере деятельности этих обществ, которые выполняли инструментальные и экспрессивные функции, можно заключить, что их значение не ограничивалось оказанием взаимной материальной поддержки: они также решали социокультурные задачи, способствовали формированию корпоративного самосознания учителей и повышению их профессиональной культуры. Со временем необходимость интеграции все отчетливее осознавали учителя не только низших, но и средних учебных заведений. Так, совместными силами было со-

⁹ Общество Уральских горных техников. Ответы на запросы современной техники и отчет о деятельности общества. 1905 г. Январь–февраль. Екатеринбург, 1905. № 4–5. С. 13.

здано Челябинское педагогическое общество взаимопомощи (в дальнейшем Педагогическое общество). Его появление совпало с политическими переменами в стране. 12 марта 1917 г. состоялось организационное собрание общества «при наличии громадного большинства учащихся г. Челябинска». Активисты успешно вели работу по консолидации учителей. В начале апреля 1917 г. общество начало осуществление «материальной и духовной взаимопомощи членов Общества и культурно-просветительской работы». Его членами могли быть «учащие и учившие во всех учебных заведениях г. Челябинска и его уезда, а также местные деятели по школьному и внешкольному образованию». На базе этого общества в дальнейшем был образован профсоюз учителей — «Челябинский профсоюз деятелей по народному образованию».¹⁰ Этот пример и история других обществ взаимопомощи учителей, которые были прообразами профессиональных общественных организаций, являются яркими индикаторами усиления процессов профессионализации в Уральском регионе в начале XX в.

С одной стороны, сравнительный анализ показывает общие закономерности в истории общественных организаций отдельных регионов, обусловленные социально-экономическими и социокультурными предпосылками их появления и развития, размахом благотворительности (абсолютное большинство общественных организаций в рассматриваемых регионах являлись благотворительными), подъемом и развитием образования и просвещения в российских провинциальных городах, усилением процессов профессионализации, что отражалось и на общественной жизни городов. С другой стороны, благодаря сравнительному анализу заметна и региональная специфика, обусловленная некоторыми особенностями Уральского региона и успехами модернизации. Так на фоне российской периферии Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) выделялось размахом своей культурно-просветительской деятельности. Интересен и во многом представляется уникальным опыт природоохранного движения на Урале (например, Уральский майский союз ставил задачи соответствующего просвещения молодого поколения). Специалистами подчеркиваются успехи

кооперации в уральских городах. Наконец, сказывались на общественной жизни горожан и особенности этноконфессионального состава населения Уральского региона.

Общественные организации оказывали цивилизирующее влияние на других граждан, воспитывая чувство гражданского долга и ответственности, формируя высокие идеалы и ценности, способствуя расширению кругозора. Общественные активисты рука об руку с губернской администрацией боролись с негативными социальными явлениями, распространенными в городской среде, в частности с пьянством. К заслугам губернатора П. Г. Погодина можно отнести содействие работе Пермского попечительства о народной трезвости. Это направление общественной деятельности соответствовало государственной политике (шла подготовка «реформы питейного дела» — установления государственной винной монополии), а соответственно, поощрялось правительством. В 1895 г. пермский губернатор писал директору департамента неокладных сборов: «Изыскивая средства к достижению поставленной Попечительству о народной трезвости задачи, я прихожу к заключению, что одним из средств к отвлечению народа от пьянства могло бы служить устройство по возможности повсеместно хороших хоров, которые пели бы в церкви в воскресенье и праздничные дни и от времени до времени давали бы духовные и светские концерты». Обязанности по устройству хоров в Пермской губернии взял на себя популярный в Перми оперный певец А. Д. Городцов. 7 марта 1895 г. было создано управление комитета Пермского попечительства о народной трезвости, председателем которого стал П. Г. Погодин. К 1896 г. в городах Пермской губернии были организованы общества народной трезвости.¹¹

На волне первой русской революции в уральских городах наблюдалась политизация общественной жизни, что отчасти сказалось и на досуговых общественных организациях. Об этом свидетельствует газетная заметка о маскараде в Уфимском общественном собрании 29 декабря 1906 г. Многие участники предпочли костюмы на политические темы, изображая, например, «Черную сотню», «Свободу печати». Первые призы получили авторы мужских костюмов «Союз русского народа» (человек изоб-

¹⁰ См.: Боже В. С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Т. 2: Справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 272–283.

¹¹ См.: Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь, 1996. С. 52, 53.

ражал кого-то вроде мясника) и «Свобода печати» (участник маскарада предстал в кандалах и с замком на устах).¹²

Обращение к высказываниям самих общественных деятелей позволяет увидеть особый этос гражданского служения (ценностный реестр и мотивацию деятельности), пафос самих выступлений и их идейность. Это непосредственным образом соотносится с их чувством гражданской ответственности за сказанное слово. В этой связи можно привести замечательное высказывание известного общественного деятеля, краеведа и историка Пермского края Д. Д. Смышляева: «Каждый из нас, к какому бы сословию и профессии ни принадлежал, должен чувствовать себя гражданином своей земли и имеет право вложить посильную лепту в сокровищницу народного благосостояния». В одном из отчетов Общества взаимно-

го вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии подчеркивалось: «Ведь только объединяясь в том или другом виде, мы можем чувствовать себя полноправными гражданами-работниками на ниве народной и не за страх только, а за совесть, за наш долг перед народом».¹³

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. понимание прогрессивной общественностью того, что гражданин — это не просто житель определенного государства, имеющий свои права и обязанности (сравним первоначальное значение слова «гражданин» — горожанин, т. е. приписанный в общество купцов, мещан или цеховых), это сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, мыслящий категориями общественного блага и прогресса.

Ключевые слова: *горожане, граждане, Урал, город, общественные организации, профессионализация, этос*

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *Apkarimova@mail.ru*

URBAN POPULATION AND PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE URALS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: CITIZEN OR NULL?

The article is a case study of the work of public associations in the Urals' cities of the second half of the 19th — early 20th century focusing on the regional specifics of the formation of civic society, the evolution of public consciousness and civil identity of the urban population. The author suggests a typology of public organizations in comparison with the data for other Russian regions. Based on the information about the professional occupation-centered public organizations the author demonstrates the regularities and the specifics of professionalization process in the Urals' cities during the period under study.

Key words: *people, the citizens, the Urals, the city, community organizations, professionalization, the ethos*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Bozhe V. S. Chelyabinsk: Tsentr istoriko-kulturnogo naslediya g. Chelyabinska, Vol. 2, 2006, 368 p. (in Russ.).

Degaltseva Ye. A. *Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina XIX v. — fevral 1917 g.): disertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* (Public non-political organization of Western Siberia (the second half of the XIX century — February, 1917): thesis is for the degree of Doctor of Historical Sciences.). Novosibirsk, 2006, 382 p. (in Russ.).

Dostoevskaya A. St. Petersburg: Azbuka, 2011, 480p. (in Russ.).

¹² См.: Южный Урал. 1907. 1 янв. (№ 1). С. 4.

¹³ Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1905 г. (одиннадцатый год). Оренбург. 1907. С. 122.

Formirovanie sfery grazhdanskoy deyatel'nosti na Urale vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. (Forming parts of the civil activities of the Urals second half of XIX — early XX century). Ekaterinburg: BKI, 2011, 387 p. (in Russ.).

Grazhdanskaya identichnost i sfera grazhdanskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka (Civic identity and civic activities in the sphere of the Russian Empire. The second half of the XIX century — the beginning of the XX century). Moscow: ROSSPEN, 2007, 302 p. (in Russ.).

Kazakova-Apkarimova Ye. Yu. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008, 289 p. (in Russ.).

Obshchestvo Uralskikh gornykh tekhnikov. Otvety na zaprosy sovremennoy tekhniki i otchet o deyatel'nosti obshchestva. 1905 g. Yanvar—fevral (Company Ural mining equipment. Responses to inquiries of modern technology and a report on the activities of the society. January–February). Ekaterinburg, 1905, № 4–5. (in Russ.).

Ocherki gorodskogo byta dorevol'yutsionnogo Povolzhya (Sketches of urban life before the revolution of the Volga). Ulyanovsk: Srednevolzhskiy nauchnyy tsentr, 2000, 693 p. (in Russ.).

Otchet obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchim i uchivshim v nachalnykh uchilishchakh Orenburgskoy gubernii za 1905 g. (odinnadtsatyy god). (The report of the mutual welfare and uchashchim who taught in elementary schools in Orenburg province for 1905 (eleven years)). Orenburg, 1907. (in Russ.).

Permskie gubernatory (iz fondov arkhiva) (Permian governors (from the Archives)). Perm: GAPO, 1996, 75 p. (in Russ.).

Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII — nachale XX v. (Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII century — the beginning XX century). Moscow: ROSSPEN, 2011, 888 p. (in Russ.).

Yuzhnyy Ural (Southern Urals), 1907, January 1 (№ 1). (in Russ.).